Я.А.Васильев

СЕЛЬСКОЕ РОСТОВЩИЧЕСТВО В НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена отдельным вопросам деятельности сельских ростовщиков Новгородской губернии в начале XX века. Рассматриваются причины распространения этого промысла, влияние на жизнь и деятельность сельского населения. Освещаются отдельные стороны деятельности ростовщиков, условия выдачи ссуд, залоги, размер процентов. В статью затрагивается и проблема борьбы с ростовщиками, причины негативного отношения к ним населения и властей.

Ключевые слова: ростовщики, крестьяне, рыбаки, учителя, ссуды, залоги, земство, Новгородская губерния

Ростовщичество всегда было неотъемлемой частью, спутником дореволюционной хозяйственной жизни России. Отсутствие свободных средств приводило в сферу ростовщического кредита представителей самых разных слоев населения. Однако долгое время внимание обществу привлекала деятельность, в основном, городских ростовщиков, так как и само явление считалось, в целом, городским (и не только потому, что большая их часть находилась в городах). В условиях крепостного права крестьяне ссудами ростовщиков пользоваться, как правило, не могли, так как имели право заключать любые сделки только от имени хозяина. Поэтому в деревне до отмены крепостного права их услугами пользовались, как правило, помещики, однако с его отменой и расслоением крестьянства многие обедневшие селяне неизбежно начинают втягиваться в орбиту влияния ростовщиков. Появляется и фигура сельского ростовщика, чаще всего, разбогатевшего односельчанина, который постепенно отходит от собственно крестьянских занятий (прежде всего, земледелия) и начинает заниматься, например, торговлей, одновременно ссужая зерно и деньги в рост.

В конце XIX — начале XX в. ростовщичество в сельском хозяйстве воспринимается уже как настоящее бедствие. Малоземелье и неурожай, постоянная нехватка средств все время толкали крестьян к сельским ростовщикам (кулакам, мироедам), осуществлявшим кредит деньгами и семенами под обеспечение будущего урожая, который затем продавался по заниженным ценам. Из-за этого зажиточная верхушка крестьянства предпочитала не столько вкладывать накопления в сельское хозяйство, сколько направлять их в торгово-ростовщические операции для эксплуатации пауперизированного крестьянства [1].

За городскими ростовщиками осуществлялся определенный надзор со стороны полиции и властей, но на селе их промысел был практически бесконтрольным. Если в городе ростовщики редко были у кормила власти, то в деревне они зачастую были настоящими хозяевами, занимая, например, должности по сельскому управлению. Постепенно ростовщики опутали все категории сельского населения — и помещиков, и крестьян, и сельскую интеллигенцию.

Одной из главных негативных черт сельского ростовщичества являлось взимание высоких процентов по ссуде — до 200% и более, хотя, при хорошем урожае они не выглядели чрезмерными — взял мешок семян займы, отдал два (до 70% крестьянских хозяйств нуждались весной в семенах). Однако при постоянных неурожаях платить приходилось не из доходов, а посредством реализации самого необходимого имущества — скота, инвентаря и проч. «Едва ли какое зло более разьедает экономическую жизнь сельского населения и его платежный силы, нежели бескредитность, породившая особую бытовую форму сельского ростовщичества. Под игмом ростовщика крестьянское хозяйство идет к верному разорению. Если землевладельцы не находят возможным платить с земли 6 и 5%, то как может крестьянин платить 60—200% и более процентов!» [2].

Пользуясь темнотой и безграмотностью крестьян, ростовщики разрабатывали различные схемы, позволявшие им не только уходить от ответственности, но даже и не выдавать нуждавшимся всю ссуду целиком: «Вопли разоряемой деревни доходили и до правительства. Оно искренне желало избавить деревню от зла кулачества. Был издан закон, сурово преследующий ростовщичество, но на практике он не привел ни к чему, потому что подвергался обходам. Обличить во взимании высокого процента совершенно невозможно, да и вовсе не в интересах лица, нуждающегося в кредите. Я крайне нуждаюсь в 100 руб.; за отсутствием кредитного товарищества, очевидно, я должен обратиться к так называемому ростовщику, Он желает взять 20—30%; если мне деньги нужны и взять их у более сговорчивого заимодавца не предвидится, я скрепя сердце, пишу вексель на 100 р., и получаю 80 р. или 70; остальное — проценты. Сделка совершена между нами, о проценте в векселе ни слова, — попробуйте привлечь того, у кого вексель, к ответственности?» [3].

Формы ростовщического кредита были разнообразны. Так, по свидетельству крестьянина М.А.Проخورова, в деревне Прилуки Новгородского уезда: «В летнее время в 1900-е гг. разовая ссуда у лавочника могла составлять до 10—15 руб. продуктами и до 5 руб. деньгами (при неисправных весах и гирих) под покупку урожая за копейки: «Лавочник кулак выручает — кого на 10 руб., кого — на 15 руб., а кого и на 20 руб., под расписку конечно, но с тем условием, чтобы крестьянин запродавал ему клевер и тимофеевку по 20 коп. за пуд, тогда как уже в конце июля дают по 30 коп.; товар же отпускает по дорогой цене против прочих торговцев; на ржаной муке, например, кулак берет 60 коп. лишка на мешок, ставит по 4 руб. 80 коп., а на деньги можно купить за 4 руб. 20 коп. При продаже клевера тоже крестьянин терпит: весы неправильны, тяжеловесные

камни вместо гири, непроверенных официально; бывает, что 2-х пудовая гиря тяжелее казенной на 3 фунта, а то и на 15 фунтов.

А то вот и другая потеря. Осенью мужички нанимаются к лесопромышленникам возить лес и дрова на берег реки Волхова, для сплава и получают в задаток 10 руб., за работу же им дают низкую плату, тогда как подрядившиеся потом, без задатка, получают больше. Например, подрядившиеся <...> получают 6 руб. платы, а не обязавшиеся получают 6 руб. 50 коп. и 7 руб.» [4].

В зависимости от ростовщиков находились и другие крестьяне, даже занимавшиеся доходным, на первый взгляд, промыслом. Так, у крестьян-молочников из-за связи с купцами и ростовщиками потери составляли часто от 30 до 50%, особенно в случае покупки у них товаров в кредит по завышенным ценам [5].

В изучаемый период в исключительно тяжелом положении находились рыбаки («ловцы») Новгородской губернии, промысел которых был под полным контролем ростовщиков-перекупщиков. Местные купцы-ростовщики взымали с рыбаков проценты от 100—200% и выше, кредитование ловцов осуществлялось только предметами лова и продуктами. Отдача — исключительно рыбой и по самой низкой цене. Фактически приказчиками кулака являлись руководители рыболовецких артелей — «ватаманы», зачастую и сами бывшие ростовщиками [6].

Вот как сложилась ситуация, например, в 1902 г.: «Выражаясь главным образом в задавании вперед на целый год денег, пеньки, пряжи и всех необходимых ловцу материалов, с обязательством уплачивать долг исключительно рыбой, по самой низкой цене, специально-ловецкое кулачество, как особый вид ростовщичества (100—200 % годовых!), является особенно опасным в настоящем неурожайном и непромышленном году. <...> Ловецкое население, после отсутствия заработков и ловли в продолжении полугода, не имея ни хлеба, ни кормов, в буквальном смысле слова начинает голодать» [7].

Земский работник И.Кучин, много занимавшийся вопросам рыбозаведения, столкнулся с подобной ситуацией и нарисовал портрет типичного сельского мироеда Поозерья (северо-западный берег озера Ильмень): «К сожалению, львиная доля заработков крестьянских семей переходит в руки богача Савелия Иванова Морозова, живущего в с. Борисове. Вся Коростынская и часть Дубовицкой волостей — у него в руках. У Морозова и мелочная лавка, и склад пеньки, хлеба, дров, сетков и сетей, а также ломбард для заклада всевозможных вещей. Сети, скупаемые им за 25—40 коп, продаются по 40—60 коп за сажень. За хранение заложенных сетей взымается сколько вздумается, смотря по размеру нужды закладывающего, в среднем от 7 до 10 коп с сажени. В итоге на долю сетевязальщика получается в день от 1 до 8 коп. А нередко приходится работать даже в убыток, не оправдывая затрат на пеньку, лишь бы не сидеть без дела» [8].

Одним из социальных слоев, серьезнейшим образом зависимых от ростовщиков города и деревни, были учителя. Небольшое и нерегулярно выплачиваемое жалование, неурочный быт и прочие проблемы очень часто приводили их в сферу ростовщического кредита. Вот как оценивает эту ситуацию современник: «Кредит и его условия. Неблагоприятные условия, с которыми связано получение жалованья: задержки, поездки и проч., вынуждают учащего по необходимости пользоваться кредитом. Всего кредитовались в 1904/5 учебном году 317 лиц, причем для большинства из них это связано было с невыгодными условиями, которым неизбежно приходится подчиняться.

Это — кредит не на развитие какого-либо предприятия, а с кредитом на прожитие, то есть он не может содействовать увеличению материального достатка, а, наоборот, уменьшает его. Из числа 317 кредитующихся лиц только 134 находились в благоприятных условиях, так как пользовались денежным кредитом без всяких условий, 12 лиц — брали деньги без процентов, но на определенный срок, 37 лиц вынуждены были платить от 8 до 12%, но были и такие случаи, когда эти проценты засчитывались не за годичный срок кредита, а двух-трех-месячный; в таких случаях проценты приходилось платить страшно высокие» [9].

Среди учителей часто практиковался кредит под залог доверенности на получение жалования, чаще всего — когда приходилось отовариваться в лавочке местного торговца. Доверенность приобретала характер бумажных денег и поступала в оплату торговцу за приобретенный товар. В отдельных случаях «милостивые» торговцы, снисходя к просьбам учителей, выдавали под доверенность, кроме товара, и несколько рублей деньгами. Этот вид кредита был особенно тяжел. Во-первых, за доверенность на получение 20 руб. жалования давали только рублей 16—17; во-вторых, эту сумму приходилось получать товаром, переплачивая при этом большие деньги. Но особенно этот вид кредита был тяжел своей моральной зависимостью учителя «от местного торговца, иногда мироеда. Это особенно тяжело, так как интеллигентный человек не может помочь крестьянам, опутанным паутиной этого паука, ибо сам находится в такой же зависимости. Так создается некое крепостное право, рабство. 24 лица кредитуются по залог доверенности, 116 — без нее.

Таким образом, надо улучшать не только правовое, но и материальное положение учителей. Это позволит сделать его независимым от других лиц» [9].

В связи с серьезностью проблемы засилья ростовщиков, правительство законодательно пыталось ограничить их деятельность или хотя бы ввести жесткие показательные меры наказания для наиболее «отличившихся». Так, в «Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» специально оговаривались условия сделки, которую можно считать ростовщической и меры наказания за ее осуществление.

Занимавшиеся в виде промысла выдачей в ссуду сельским обывателям:

1. Хлеба или других припасов;
2. Денег под условием оплаты денежного долга частью или целиком хлебом, припасами или работой, а

так же если ростовщик воспользовался крайним тягостным положением заемщика (чрезмерно обременительными условиями, не соответствовавшими местным обычаям), то он подвергался в первый раз аресту на срок не свыше 3 месяцев, во второй и последующие случаи — заключению в тюрьму на срок от 1 до 6 месяцев.

Сделка, заключенная при вышеуказанных обстоятельствах, как ростовщическая признавалась недействительной. В этом случае займодавец лишался права получения назад выданных им хлеба, припасов или денег за вычетом уже полученного по ссуде [10].

Занимавшийся скупкой зерна у крестьян за приобретение у них по несоизмерно низкой цене хлеба на корню, снопами или зерном (если при совершении сделки скупщик заведомо воспользовался крайне тяжелым положением продавца), подвергался в первый раз аресту на срок не свыше 3 месяцев, а во второй и последующие случаи — заключению в тюрьму на срок от 1 до 6 месяцев. Кроме того, на покупателя возлагалась обязанность доплатить продавцу разницу между уплаченной суммой и действительной ценой продажи хлеба [10].

Однако эти меры боролись уже с последствиями самих сделок, но не устраняли их причин и не создавали альтернативы. Необходимы были методы постоянного повседневного воздействия на эту непростую экономическую ситуацию, её коренное улучшение. Однако в условиях хронического крестьянского безземелья и безденежья, отсутствия действенной системы мелкого кредита меры не смогли бы справиться с сельским ростовщиком, так как ниша для его деятельности всегда продолжала оставаться. Кроме того, они были более мобильны, не связаны в своей работе многочисленными нормативными актами и формальностями, широко применяли «индивидуальный подход» к заемщикам, вплоть до выдачи ссуд без залога и оформления, под «честное слово» и проч. Действительность проявила поразительную живучесть этого промысла, изворотливость, способность к мимикрии, порождению новых способов.

Борьба против ростовщиков, которую начали наиболее активные представители земства, благотворители, сельская интеллигенция, создала и различные меры противодействия, например, организация ссудосберегательных и кредитных товариществ, земских складов и лавок, выдача кредитов и ссуд на льготных условиях, раздача пеньки и проч., покупка, а также взятие в залог земством у крестьян и рыбаков продуктов и рыбы по нормальной цене, организация сельских ломбардов должны были вырвать тружеников из лап ростовщиков. Отмечалось, что необходимо было большее внимание к проблемам учреждений мелкого кредита со стороны правительства, городских властей, представителей крупного капитала, создание для них льготных условий функционирования, что могло бы не только улучшить и расширить их работу среди малоимущего населения, но и снизить влияние ростовщиков. Большие надежды возлагались на развитие потребительской кооперации.

Появлялись и новые, более активные формы борьбы с ростовщичеством. Так, в 1906 г. во время весеннего сплава крестьяне устроили забастовку и добились у работодателей более высокой оплаты не по 40—50 к. за 18 час., а 1 р. — за 10 часовой рабочий день [11].

Однако, несмотря на разработку новых методов борьбы с ростовщичеством, значительных успехов в этом отношении достичь не удалось. Изменялось, приспособлялось и само ростовщичество, принимавшее новые формы и изобретавшее новые учреждения, в стенах которых можно было осуществлять ссудную деятельность.

Таким образом, проблема ростовщичества (особенно сельского) продолжала оставаться весьма серьезной вплоть до начала XX в. и требует дальнейшего её изучения. К сожалению, это значительным образом затруднено отсутствием каких-либо официальных данных о деятельности ростовщиков, их отчетности и т.п. Парадоксально, но при широком обсуждении этого вопроса в печати и органах управления, сведения о ростовщиках крайне немногочисленны и носят, скорее, полемический характер. Например, в «Памятных книжках Новгородской губернии» (1858—1916) ссудные кассы не упоминаются совсем, как нет сведений об их содержателях в материалах переписи 1897 г. по Новгородской губернии [12]. В связи с этим выявление реального распространения ростовщичества (особенно, как промысла), размера его оборотов, степени влияния на местное хозяйство и общество представляется важной задачей в плане исследования социально-экономической жизни дореволюционной России.

1. Гиндин И.Ф. Ростовщичество // Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1969. Т. 12. С. 221.
2. Филиппович А. Мелкий кредит в Старорусском уезде // Вестник Новгородского земства (далее — ВНЗ). 1902. № 15. С. 31-34.
3. Н. О. О борьбе с кулачеством (по поводу заметок — «голос крестьянина») // ВНЗ. 1905. № 23—24. С. 51.
4. Прохоров М.А. Из дер. Прилуки, Высоковской волости, Новгородского уезда // ВНЗ. 1903. № 16.
5. Корешкова Т.А. Крестьянские промыслы по переработке молока в Новгородской губернии и новгородское земство // Новгородский исторический сборник. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. Вып. 12(22). С. 402.
6. Корешкова Т.А. Земские склады сетей и рыболовных принадлежностей в Новгородской губернии (1902—1914 гг.) // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования: материалы XI научной конференции историков-архивистов, 26—27 мая 2011 г. Великий Новгород, 2012. С. 44-49.
7. Кучин И. Летнее и осеннее рыболовство на больших озерах в 1902 г. // ВНЗ. 1902. № 23. С. 19.
8. Кучин И. Помощь рыболовному населению в Старорусском уезде // ВНЗ. 1905. № 9. С. 47.
9. Самсонов В. Быт утащих в Новгородской губернии. Гл. VI. Материальное положение. А. Приход // ВНЗ. 1906. № 17. С. 26-28.
10. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // Свод законов Российской империи. Т. XV. Ст. 180.3, 180.4.

11. Крестьянин Г.Соловьев // ВНЗ. 1906. № 14. С. 44.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н.А.Тройницкого. [Б. м.] : Издательский центр стат. комитета М-ва внутр. дел, 1901. Т. 26: Новгородская губерния: Тетрадь 1. 63 с.; 1903. Тетрадь 2. 247 с.

References

1. Gindin I.F. Rostovshchichestvo [Usury]. Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya [Soviet Historical encyclopedia]. Moscow, 1969, vol. 12, p. 221.
2. Filippovich A. Melkiy kredit v Starorusskom ueзде [Small loan in Starorussky district]. Vestnik Novgorodskogo zemstva [Vestnik of the Novgorod Zemstvo] (more – VNZ), 1902, no. 15, pp. 31-34.
3. N.O. O bor'be s kulachestvom (po povodu zametok — “golos krest'yanina”) [On the fight against the kulaks (about the notes — “the Voice of the Peasant”). VNZ, 1905, no. 23-24, p. 51.
4. Prohorov M.A. Iz der. Priluki, Vysokovskoj volosti, Novgorodskogo ueзда [From the village of Priluki, Vysokovsky rural municipalities of the Novgorod district]. VNZ, 1903, no. 16.
5. Koreshkova T.A. Krest'janskije promysly po pererabotke moloka v Novgorodskoy gubernii i novgorodskoe zemstvo [Peasant crafts for milk processing in the Novgorod province and the Novgorod Zemstvo]. Novgorodskiy istoricheskij sbornik [Novgorod Historical Collection], vol. 12(22). Moscow, Saint Petersburg, 2011, p. 402.
6. Koreshkova T.A. Zemskie sklady setej i rybolovnyh prinadlezhnostej v Novgorodskoy gubernii (1902—1914) [Zemstvo warehouse networks and fishing supplies in the province of Novgorod (1902—1914)]. Proc. of “Dokumental'noe nasledie Novgoroda i Novgorodskoj zemli. Problemy sohraneniya i nauchnogo ispol'zovaniya- XI”. Velikiy Novgorod, 2012, pp. 44-49.
7. Kuchin I. Letnee i osennee rybolovstvo na bol'shikh ozerah v 1902 g. [Summer and autumn fishing on large lakes in 1902]. VNZ, 1902, no. 23, p. 19.
8. Kuchin I. Pomoshch' rybolovnomu naseleniyu v Starorusskom ueзде [Assistance to the fishing population in the old Russian district]. VNZ, 1905, no. 9, p. 47.
9. Samsonov V. Byt uchashchih v Novgorodskoy gubernii. Gl. 4. Material'noe polozhenie. A. Prihod [The life of teachers in the province of Novgorod. Chapter VI. Financial position. A. Parish]. VNZ, 1906, no. 17, pp. 26-28.
10. Ustav o nakazaniyah, nalagaemykh mirovymi sud'yami [Statute of penalties imposed by magistrates]. Svod zakonov Rossijskoj imperii. [Code of laws of the Russian Empire], vol. XV, section 108.3, 180.4.
11. Krest'yanin G.Solov'ev [Peasant G.Solovyov]. VNZ, 1906, no. 14, p. 44.
12. Troynitskiy N.A., ed. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g. [The first General census of the population of the Russian Empire, 1897]. Ministry of the Interior, 1901. Vol. 26: Novgorodskaya guberniya [Novgorod province], chapter 1. 63 p.; 1903. Chapter 2. 247 p.

Vasiliev Ya.A. Rural usury in the Novgorod province in the early twentieth century. The article is devoted to certain issues of rural moneylenders of the Novgorod province in the early 20th century. The reasons for the spread of this way of earning one's living, its impact on the lives and activities of the rural population. Certain aspects of money lenders' activities, such as the terms of giving loans, liens, interest rates are dwelt upon. The article also touches upon the problem of combating money lenders, the reasons for the negative attitude of the population and the authorities to them.

Keywords: moneylenders, peasants, fishermen, teachers, loans, liens, Zemstvo, the Novgorod province.

Сведения об авторе. Ярослав Анатольевич Васильев — канд. ист. н., канд. э. н., доцент, старший научный сотрудник Новгородской группы Санкт-Петербургского института истории РАН; vasiliev-yaroslav@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.05.2019. Принята к публикации 30.05.2019.